

ханизмы, используемые органами правопорядка Китая, заслуживают детального исследования с дальнейшим внедрением их в деятельность правоохранительных органов.

Список использованных источников

1. Сравнительное правоведение в России, Монголии, Китае и Японии : материалы Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 16 апр. 2010 г. / Бурят. гос. ун-т ; науч. ред. Ю. П. Гармаев. – Улан-Удэ : Изд. Бурят. гос. ун-та, 2010. – 220 с.
2. Деятельность Народной полиции Китая [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного статистического управления КНР. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/n22/index.htm25>. – Дата доступа: 30.10.2021.
3. Севальнев, В. В. Противодействие коррупции: опыт КНР / В. В. Севальнев // Журн. зарубеж. законодат. и сравнит. правовед. – 2014. – № 1. – С. 89–96.
4. Дунмэй, П. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае / П. Дунмэй // Криминолог. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2011. – № 2 (16). – С. 61–67.
5. О Народной вооруженной полиции [Электронный ресурс] : Закон КНР, 27 августа 2009 г. // Chinalaw.center. – Режим доступа: https://chinalaw.center/administrative_law/china_peoples_armed_police_law_2009_russian. – Дата доступа: 30.10.2021.

Дата поступления в редакцию: 22.11.2021

УДК 342.9

С. С. Касьянчик, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника учебно-методического управления Академии МВД Республики Беларусь
e-mail: kas.sergey@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Проводится исторический и правовой анализ точек зрения регулирования статуса субъектов полицейской деятельности в период вхождения белорусских земель в состав Российской империи. Формулируются исторически обусловленные закономерности формирования правового статуса сотрудника органов внутренних дел в указанный период в контексте предшествующих ему этапов развития белорусской государственности – период возникновения и функционирования на территории современной Беларуси первых государственных образований и период вхождения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: должностной чин полиции, сотрудник полиции, реформы полиции, правовой статус сотрудника органов внутренних дел

S. S. Kasyanchik, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Educational and Methodological Department of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
e-mail: kas.sergey@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE LEGAL STATUS OF THE INTERNAL AFFAIRS OFFICER ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN LANDS IN XVIII – EARLY XX CENTURY

The article provides the historical and legal analysis of the regulation of the status of subjects of police activity during the period of the entry of the Belarusian lands into the Russian Empire. The historically conditioned regularities of the formation of the legal status of an internal affairs officer in that period are formulated in the context of the stages of development of the Belarusian statehood preceding it – the period of the creation and functioning of the first state formations on the territory of modern Belarus and the period of the entry of the Belarusian lands into the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: police official, police officer, police reforms, legal status of an internal affairs officer.

Правовой статус сотрудника ОВД, выступая ключевой составляющей системы правового регулирования служебной деятельности, по своей сути является правовой характеристикой, опре-

деляющей его роль и место в системе комплексного решения задач защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Проблема качественного оформления правового статуса данного субъекта правоохраны не нова и имеет длительную временную обусловленность, во многом связанную с динамичностью системы функций, возлагаемых на ОВД и их сотрудников на разных этапах исторического развития. Система возложенных на эти органы функций влечет за собой сложность познания закономерностей его развития, но при этом неизменно свидетельствует о невозможности спроектировать эффективную модель его совершенствования без анализа обуславливающих его исторических этапов.

В научной литературе различные аспекты возникновения и развития системы ОВД получили достойное освещение, однако при этом вопросам формирования и эволюции статуса их сотрудника уделялось достаточно скромное внимание: при общей исследованности развития организационной структуры данных органов комплексный историко-правовой анализ развития правового статуса их сотрудника с позиций системного подхода по-прежнему отсутствует.

Развитие правового статуса сотрудника ОВД в разрезе образующих его элементов (полномочия, ограничения, ответственность и гарантии правовой и социальной защиты) целесообразно рассматривать на разных этапах становления белорусской государственности: в период возникновения и функционирования первых государственных образований на территории современной Беларуси (Полоцкое, Туровское княжества IX–XI вв.), период вхождения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского (XIII–XVIII вв.), период нахождения в составе Российской империи (XVIII – начало XIX в.), советский и постсоветский периоды.

Отличительной особенностью первых указанных временных отрезков явились фрагментарное регулирование статуса лиц, участвующих в обеспечении общественной безопасности, отсутствие специализированных категорий лиц, специально подготовленных для реализации правоохранительной функции на общесоциальном уровне. Тем не менее некоторые изменения отмечались в период вхождения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского (XIII–XV вв.): несмотря на то, что функции защиты собственности, жизни и здоровья реализовывались преимущественно самим населением, среди обязанностей отдельных категорий подданных монарха, проживавших в государственных имениях, обнаруживались исконно правоохранительные, пусть и направленные исключительно на защиту узкого круга лиц. К таковым относились обязанности охраны границ владений и при необходимости участия в поимке преступников и иных нарушителей. Но наиболее значимым шагом законодателя данного периода применительно к предмету настоящего исследования, на наш взгляд, следует считать введение Статутом ВКЛ 1566 г. должности возного, которому на территории повета на постоянной основе наряду с иными поручались обязанности исконно полицейские (задерживать преступников, застигнутых на месте преступления, проводить дознание, конвоировать задержанных в здание суда [и т. д.]), которые в общих чертах во многом сопоставимы с обязанностями современного участкового инспектора милиции. Законом предусматривались существенные для того времени гарантии неприкосновенности личности возного: за его оскорбление назначалась двойная навязка (денежный штраф) и 12-недельное тюремное заключение, а за убийство – смертная казнь и двойная головщица (денежный штраф). Однако и ответственность самого возного за ненадлежащее выполнение возложенных на него обязанностей также предусматривалась: за ложь при официальном свидетельствовании – смертная казнь.

Более функционально насыщенным в системе формирования правового статуса субъекта полицейской деятельности стал период вхождения белорусских земель в состав Российской империи.

Ко времени присоединения белорусских земель к России в результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) в Российской империи уже сформировалась система полицейских органов, которая соответственно распространилась и на территорию белорусских земель. Екатерина II практически завершила процесс создания полиции в масштабе всей Российской империи: для управления губерниями предусматривалось создание органов полиции в виде нижнего земского суда, при котором имелась канцелярия, состоявшая из двух столов – испол-

нительного и следственного. Нижний земский суд был призван следить за сохранением благочиния, добронравия и порядка, исполнять решения вышестоящих властей и суда, проводить следствие по уголовным делам. Выполнение таких обязанностей обеспечивалось системой мер ответственности за их ненадлежащее исполнение, а также гарантиями, влекущими ответственность лица, посягнувшего на уполномоченный полицейский чин. Так, в Генеральном регламенте Петра I от 28 февраля 1720 г. имелась гл. 50, содержащая ряд составов должностных преступлений: разглашение служебной тайны, служебный подлог, злоупотребление или превышение должностных полномочий. Указание на должностные преступления содержалось и в Артикуле воинском 1715 года, арт. 206 которого предусматривалась ответственность за незаконное освобождение преступника до передачи его суду. Правовой защите лиц, выполнявших обязанности полицейской и воинской службы, были посвящены гл. 3 Артикула воинского, где содержалось указание на деяния, влекущие ответственность за противодействие приказам, распоряжениям и оскорблениям офицеров; арт. 204, устанавливавший ответственность за противодействие представителям власти; арт. 163, предусматривавший колесование как особо жестокий вид смертной казни за убийство офицера.

Особый интерес в рамках исследуемого вопроса вызывает норма ст. 205 Артикула воинского, закреплявшая следующую норму-гарантию: «Ежели осужденный будет противитца против того, который командрован будет его взять, а оного взять будет невозможно, тогда хотя осужденного и убьет, то за оное наказать не надлежит». Фактически в ней речь идет о причинении вреда при задержании лица, совершившего правонарушение, как об обстоятельстве, исключающем признание деяния правонарушением.

Следовательно, можно заключить, что в период вхождения белорусских земель в состав Российской империи при правлении Петра I вопросам ответственности должностных лиц за невыполнение или ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, а также вопросам правовой защиты их деятельности стало уделяться повышенное внимание. При этом важно отметить, что лица, выполнявшие полицейские функции, еще не выделялись в качестве специальной категории лиц, подпадающих под особую правовую защиту, не были отнесены и к самостоятельным субъектам должностных правонарушений. Практическая же сторона вопроса объективно свидетельствует о появлении такой необходимости, ведь, как отмечал дореволюционный полицист И. Т. Тарасов, полиция «очень скоро после своего возникновения заявила себя весьма склонной к обидам и взяткам» [11, с. 203].

В 1782 г. с учреждением Устава благочиния, или полицейского, вместо старых полицейских органов в городах были созданы управы благочиния, или полицейские, в которые вошли городничий, приставы уголовных и гражданских дел и два ратмана (советника). Должностные лица управ благочиния для реализации функций обеспечения общественной безопасности наделялись широкими полномочиями: следили за исполнением городскими жителями законов, постановлений местной власти и решений судов, ведали торговлей, занимались вопросами санитарии и благоустройства городов, проводили предварительное следствие и судили за мелкие кражи. Вместе с тем в указанный период расширились обязанности полиции по охране общественного порядка: ее должностные чины стали обеспечивать общественный порядок при проведении массовых мероприятий и крестных ходов, поддерживать безопасность уличного движения, пресекая быструю езду и надзирая за состоянием транспортных средств, оказывали помощь пострадавшим и регулировали дорожное движение; осуществляли надзор за проведением лотерей, пресекали незаконные азартные игры; осуществляли надзор за деятельностью общественных организаций и печатью, соблюдением паспортного режима; пресекали кликушество (истерию), драки; выставляли караулы и закрывали участки улиц при проведении религиозных обрядов, запрещали торговлю спиртными напитками и народные гуляния в праздничные и воскресные дни до окончания крестного хода и литургии; выявляли и задерживали распространителей ложных указов и лживых слухов, организаторов и участников массовых беспорядков; принимали меры по предупреждению пьянства, задержанию лиц, находящихся в нетрезвом состоянии, а также закрытию питейных заведений, ведущих торговлю в неустановленное для этого время; пресекали кулачные бои; следили за соблюдением правил производства оружия и обращения с

ним; осуществляли борьбу с проституцией, обеспечивая контроль за соблюдением запрета на вход проститутки в питейные заведения и мужские бани; выявляли публичные дома.

С расширением и конкретизацией функций полиции во времена правления Екатерины II в законодательстве появились нормы, гарантировавшие их реализацию, распространявшиеся и на белорусские земли. Так, ст. 193 Устава благочиния был оформлен запрет неподчинения требованиям полицейских органов, ответственность за нарушение которого предусматривалась ст. 235 названного устава в виде заключения под стражу и передачи в суд. Так, п. 1 ст. 271 предусматривались меры принуждения за оказание противодействия должностным лицам: «Буде кто учинит сопротивление закону, или должности действием или словами, того имать под стражу, и отослать к Суду». При этом важным аспектом характеристики правового статуса субъекта полицейской деятельности стала выступать ситуация, при которой должностным преступлениям не уделялось должного внимания с сопутствующей этому несоизмеримой мягкостью ответственности: как отмечает Т. Б. Басова, виновные в совершении таких преступлений в основном прощались; за взяточничество чиновники низшего ранга увольнялись со службы с лишением чина и взысканием полученного в двойном размере, а наказание высших чиновников ограничивалось временным пребыванием в их же поместьях [1, с. 44].

Вместе с тем изданные в XVIII в. учреждения для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. и Устав благочиния сформировали достаточно прочную правовую основу деятельности полиции, превратив ее в самостоятельный орган государственной власти со своей компетенцией.

Дальнейшее реформирование полиции и формирование статуса ее должностных лиц было связано с принятием в 1837 г. Положения о земской полиции, точно и однозначно определявшего функции должностных чинов уездной полиции. Но поскольку государственный механизм и правовая система не претерпели существенных изменений и земский, исправники, становой пристав по-прежнему являлись основными низовыми исполнительными органами губернской администрации, то и объем функций уездной полиции остался прежним.

Обеспечение действенной реализации возложенных на должностные чины полиции обязанностей неизменно требовало оформления правовых гарантий реализации данных им полномочий, а также формирования системы мер ответственности. Таким важнейшим источником их правового регулирования явилось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., выделившее в специальный раздел (разд. IV) преступления и проступки против порядка управления, в системе которых были приведены как составы правонарушений (преступлений), охранявших представителей власти в целом, так и специальные составы, направленные на правовую защиту полицейских. Например, ст. 299 за неповиновение полицейским предусматривала штраф до десяти рублей или арест до трех дней, а ст. 315 оформляла юридическую ответственность за посягательство на честь и достоинство полицейского. При этом наказуемость за оскорбление наступала как в результате неприличного ругательства, так и вследствие насильственных действий, от чего зависела строгость наказания. Наряду с вышеупомянутыми в Уложении 1845 г. выделялся ряд норм, направленных на защиту категории представителей власти в целом, которые обеспечивали правовую защиту в том числе и полицейских кадров (например, ст. 284, 285, 289, 335–338). Такой объем приведенных правовых положений, полагаем, указывает на стремление властей компенсировать имевшие место проблемы обеспечения правопорядка путем предоставления служащим дополнительных правовых гарантий.

При этом надлежащее обеспечение выполнения кадрами полиции возложенных на них функций реализовывалось в Уложении 1845 г. не только путем закрепления за ними соответствующих правовых гарантий, но и посредством установления мер повышенной ответственности их самих: для этих целей был предусмотрен разд. V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», характеризовавшийся казуистическим изложением признаков таких правонарушений. Однако здесь важно учитывать, что в первоначальной редакции данного уложения полицейские не выделялись в качестве самостоятельных специальных субъектов должностных преступлений и несли ответственность за должностные преступления (проступки) на общих основаниях. Уже в редакции Уложения 1885 г. (ст. 446–459) содержался перечень

проступков (преступлений) полицейских чинов и меры ответственности за их совершение. Отмечалось также и наличие альтернативных мер ответственности в зависимости от тяжести и виновности проступка (преступления), совершенного имеющим полицейский чин лицом. Так, п. 447 в качестве наиболее строгой меры ответственности полицейского чина за неизвещение им своевременно о совершенном преступлении или незадержание совершившего его лица при наличии к тому таких оснований предусматривалось увольнение с должности, что дает основание ее рассматривать, скорее, в качестве меры дисциплинарного воздействия.

Изданное в 1903 г. Уголовное уложение сохранило тенденцию на усиление уголовно-правовой охраны полицейских чинов и расширило уголовно-правовое воздействие на указанных лиц за счет увеличения составов должностных преступлений. Данной позиции была посвящена гл. 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной», включающая в себя широкий перечень преступлений, из которых, по замечанию В. В. Есипова, 22 статьи были посвящены превышению и бездействию власти, 10 – мздоимству и лихоимству, 20 – иным служебным преступлениям, которые «можно было и не упоминать в этой главе, поместив их частью в других соответствующих общих отделах уголовного уложения, частью в устав о служебных провинностях» [5, с. 11].

Ощутимый вклад в организационную структуру полицейских учреждений и организацию правового статуса их должностных лиц внесли изданные 25 декабря 1862 г. Александром II Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых, временной период действия которых был распространен фактически вплоть до революции 1917 г. Вместо городской и земской полиции в каждом уезде учреждался единый полицейский орган – уездное полицейское управление во главе с уездным исправником. В подведомственных уездному управлению городах полицейскую службу несли городские и участковые приставы, а также полицейские надзиратели, обязанности которых в общих чертах были сопоставимы с требованиями к современным участковым инспекторам милиции: каждый полицейский надзиратель должен был знать в лицо и помнить точные адреса жительства всех проживающих на его участке поднадзорных, знать, чем занимается поднадзорный, на какие средства живет, и владеть кругом его знакомств [2, с. 543–544].

Укреплению полицейского аппарата способствовало его высвобождение от ряда хозяйственных и следственных функций, что было осуществимо в связи с принятием 20 ноября 1864 г. судебных уставов. Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. за полицией закреплялась обязанность помогать судебным следователям, а во всех случаях, связанных с преступлением, – принимать меры по сохранению следов преступлений и немедленному информированию судебного следователя. Если совершившее преступление лицо было застигнуто на месте происшествия, а также при необходимости совершения процессуальных действий, не терпящих отлагательств, должностные чины полиции наделялись правом действовать по собственному усмотрению.

Принцип вольного найма рядовых и низших чинов полиции был введен в 1873 г. Сотрудникам полиции повысили денежное содержание, назначили пенсии, на которые ранее полицейский чин не претендовал.

В 1878 г. в штаты уездных полицейских управлений ввели должность полицейского урядника, несшего службу «постоянно на местах» и находившегося «в ближайшем соприкосновении с населением, но от него независимым» [9, с. 29]. В соответствии с Инструкцией урядникам от 9 июня 1878 г. им предписывалось «охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, власти и общественного порядка, равно подрыву в обществе доброй нравственности и прав собственности». Полицейский урядник следил за соблюдением санитарных и противопожарных норм, исправным состоянием дорог, мостов, переправ, бечевников, целостностью телеграфных проводов, установлением в зимнее время вех по дорогам через реки, озера и поля, а также за сохранностью межевых знаков и целостностью деревьев вдоль дороги.

Одной из основных обязанностей полицейского урядника стало предупреждение преступлений и производство дознания по уголовным делам. Однако необходимо заметить, что полномочиями по ведению следствия, поддержанию обвинения по уголовным делам и ведению дело-

производства полицейские урядники обладали только до 28 июля 1887 г., когда была принята новая Инструкция полицейским урядникам. Новый документ снизил систему возложенных на полицейского урядника обязанностей до исключительно полицейских (не юстиционных), представляемых в разрезе таких трех групп, как обязанности по охранению личной и имущественной безопасности, тишины, порядка и спокойствия; по предупреждению и пресечению преступлений; особые обязанности (по контролю за незаконной рубкой леса, пресечению контрабанды, обеспечению призыва в армию и др. [9, с. 245–255]).

Значимыми явились предоставляемые полицейским урядникам средства социально-правового гарантирования служебной деятельности, наряду с прочим включавшие в себя право на благоустроенное жилье в случае отсутствия собственного дома по месту жительства. Однако существенными явились и ограничения по службе: полицейский урядник был обязан проживать на своем участке и не имел права выезжать за его пределы без разрешения станового пристава. Исключение представляли случаи преследования «беглых, беспаспортных и дезертиров», а также проведения розысков по преступлению и преследования преступников по горячим следам [10, с. 249–250].

В конце XIX в. наблюдается тенденция к возрастанию карательных функций МВД, которые во многом связывались с введением режима исключительного положения. Так, по Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. в местности, в которой объявлялось одна из стадий исключительного положения, существенно расширялись полномочия генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников и полиции: у них появлялись права закрывать собрания, торговые и промышленные заведения, запрещать органы печати, арестовывать граждан, передавать в военный суд любое дело и т. д. МВД наделялось правом внесудебной, административной расправы. Согласно Положению при МВД было образовано Особое совещание (в состав входили по два представителя МВД и Министерства юстиции), получившее право подвергать любое неблагонадежное лицо административной ссылке сроком до пяти лет.

В 1880 г. МВД переданы функции ликвидируемого III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (политической полиции), с чем связано проведение ряда значимых мер по укреплению кадрового состава полиции. В начале 80-х гг. XIX в. акцент деятельности полиции постепенно смещался в сторону надзора за общественными организациями, собраниями, неблагополучными в политическом отношении лицами. Нормативной правовой основой такой деятельности стали Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, Положение о полицейском надзоре и секретное Положение о негласном полицейском надзоре.

Прохождение полицейской службы было сопряжено и с рядом ограничений для ее чинов. В частности, в соответствии с приказом МВД № 163 от 1886 г. и циркуляром МВД № 11 от 31 мая 1890 г. всем лицам, занимавшим полицейские должности, запрещалось участвовать в торговых и промышленных предприятиях, а также в частных и общественных кредитных учреждениях. Утвержденными 5 сентября 1890 г. МВД Правилами о порядке совмещения частных занятий со служебной деятельностью чинов городской и уездной полиции в отношении всех полицейских чинов был оформлен запрет на участие и осуществление посредничества в торговом и промышленном производстве, а также занятие каким-либо другим родом деятельности, помимо служебной. Исключение составляли особые случаи, вызванные крайней необходимостью, требующие особого разрешения губернатора, градоначальника или обер-полицмейстера. Полицейским и членам их семей воспрещалась торговля и промыслы, связанные с выборкой торговых документов, открытием частных мастерских, содержанием публичных домов, меблированных комнат, легковых и ломовых извозчиков и т. п. Кроме того, был закреплен запрет на получение каких-либо подарков от подчиненных.

Полицейская деятельность к концу XIX в. в значительной мере регламентировалась весьма весомым перечнем правовых актов, в том числе регулирующих утратившие актуальность общественные отношения. Одним из таких руководящих документов полицейской деятельности был Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Подразделяя полицию безопасности на публичную и частную, данный устав требовал от полицейских органов и чинов предупреждения

и пресечения таких категорий преступлений, как преступления против веры (полиция религии), против общественного порядка и учреждений правительства (высшая полиция безопасности); против беспорядков при увеселениях и забавах, явного соблазна и разврата в поведении (полиция нравственности), а также преступлений против личной безопасности и против имущества (низшая полиция безопасности).

Устав о предупреждении и пресечении преступлений в малоизмененном виде просуществовал вплоть до 1917 г., несмотря на то, что большая часть периода его официального действия характеризовалась его фактическим неприменением ввиду несоответствия содержания его предписаний в конце XIX – начале XX в. правовому строю, как и преобладающим учениям о полиции того времени: устав не отделял права от нравственности, запрещая в том числе роскошь, пьянство и игру в карты, а также не различал жизнь частную и общественную. Несоответствие Устава реально складывавшимся общественным отношениям отмечалось не только правоведами, но и высшими правительственными чиновниками, признававшими, что регулировавший деятельность полиции Устав покоится на полном отрицании гражданской свободы, на строгой и подробной регламентации всех особенностей гражданского быта и на постоянной опеке и надзоре за обывателем [6, с. 103]. Фактически речь шла о том, что, отражая специфику полицейского государства, данный документ к тому времени безнадежно устарел.

Активизация общеуголовной преступности в Российской империи, которой характеризовалось начало XX в., повлекла издание в 1908 г. Закона «Об организации сыскной части», в соответствии с которым в составе полицейских управлений губернских и других крупных городов создавались сыскные отделения для осуществления розыска по уголовным делам. В развитие указанного закона 9 августа 1910 г. МВД была издана Инструкция чинам сыскных отделений, которой регламентировались обязанности и права их чинов, а также ограничения, связанные с поступлением на службу в такие подразделения: например, согласно п. 15 Инструкции лица, привлекавшиеся к ответственности за преступления, а равно и зарегистрированные где-либо за порочное поведение, на службу в сыскные отделения не допускались. При этом царское правительство наделяло полицейские органы весьма широкими правами, до последних дней своего существования укрепляя и расширяя полицейский аппарат.

Полномочия полиции распространялись фактически на все области жизни граждан, что закономерно приводило к ситуации, при которой, по высказыванию одного из полицейских начальников того времени А. А. Лопухина (с 1902 по 1905 гг., – директора Департамента полиции), «...при мелочном определении всех обязанностей полиции, распространяющихся на все области жизни граждан, закон вполне естественно не мог установить главного: пределов власти полиции. Кому предписано вмешательство во все, того власть не может быть ограничена» [7, с. 40]. Это же демонстрирует и высказывание профессора В. Ф. Дерюжинского, отмечавшего, что «...постоянная деятельность вне пределов и требований закона подорвала во многих чинах администрации всякое представление о границах их власти и привела к глубокому произволу» [4, с. 277].

В. М. Гессен в 1902 г. указывал, что полномочия полиции, пределы власти административных органов очерчивались в законодательстве в высшей степени неопределенно. При этом автор подчеркивал, что «закон говорит о принятии полицией всех зависящих от нее мер», «о пресечении в самом начале всякой новизны, законам противной», «о приведении всякого, несмотря на лицо, к исполнению предписанного законом» и т. п., «нигде не определяя сколько-нибудь точным образом, в каких случаях и какие именно меры могут и должны быть принимаемы полицией» [3, с. 54–55].

Моральное устаревание законодательства, регламентировавшего систему и деятельность полицейских учреждений и их должностных чинов, повлекло появление в начале XX в. ряда фундаментальных проектов преобразования полицейской системы. Разработкой такого проекта занималась комиссия МВД под председательством сенатора А. А. Макарова. Данный проект реформы предполагал принятие законопроекта «О преобразовании полиции в Империи», а также кодифицированного акта – Устава полицейского – в качестве основополагающего нормативного документа, регламентирующего деятельность полицейских учреждений. Текст проекта Устава,

составленный с учетом актуального в то время законодательства и сложившейся полицейской практики, содержал все предпосылки комплексного правового регулирования статуса полицейских чинов: в нем были разделы о правах и обязанностях чинов полиции, гарантиях личной безопасности, ограничениях, в том числе в части применения оружия и т. д. Ряд его положений нашел дальнейшее отражение в различных правовоположениях о статусе милиции и ее сотрудников (работников) в советское и постсоветское время, в том числе об обязанности выполнения всеми законных распоряжений должностных лиц полиции (п. 4 гл. I [8, с. 5]). Вместе с тем затянувшееся время рассмотрения проекта привело к тому, что вплоть до февральской революции 1917 г. реформа полиции и правового статуса ее сотрудника так и не была осуществлена.

По итогам рассмотрения основных тенденций развития правового статуса полицейских чинов IX – начала XX в. возможно сделать некоторые выводы.

В период вхождения белорусских земель в состав Российской империи с момента распространения на территорию современной Беларуси системы учреждений полиции за основу формирования статуса служащего полиции был взят принцип непоколебимой преданности государю и Отечеству, на реализацию которого в значительной мере была направлена постоянно совершенствовавшаяся, вплоть до распада Российской империи система мер ответственности должностных чинов за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, а также правовых гарантий реализации ими соответствующих полномочий. При этом права и обязанности таких категорий сотрудников преимущественно регламентировались на подзаконном уровне.

Анализ правовоположений законодательства конца XIX в. демонстрирует, что основным способом укрепления полиции было преимущественно увеличение ее штатной численности. При этом законодательство этого периода, регламентировавшее компетенцию должностных лиц органов полиции, постепенно утрачивало актуальность и потому требовало коренного обновления. Закономерным следствием сложившейся ситуации явилось появление в начале XX в. законопроектов, с принятием которых связывалось осуществление комплексной реформы полицейской деятельности и статуса ее субъектов. Практически проведение этой реформы так и не было осуществлено.

Список использованных источников

1. Басова, Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т. Б. Басова ; Юрид. ин-т Дальневост. гос. ун-та. – Владивосток, 2005. – 403 л.
2. Высочайше утвержденное Приложение к 1-й статье Временных Правил об устройстве полиции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825 – 1881) : в 55 т. – Т. 37. – Ч. 3 : Штаты и табели. – № 39087. – С. 543–544.
3. Гессен, В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901–1902 учебном году в Александровской военно-юридической академии / В. М. Гессен. – СПб. : Типо-литография М. Гинсбурга, 1902. – 354 с.
4. Дерюжинский, В. Ф. Полицейское право : пособие для студентов / В. Ф. Дерюжинский. – 2-е изд., доп. – СПб. : Сенат. тип., 1908. – 552 с.
5. Есипов, В. В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание / В. В. Есипов. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903. – 179 с.
6. Краткая объяснительная записка к заключению междуведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в Империи. – СПб. : Гос.тип., 1911. – 133 с.
7. Лопухин, А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – М. : Изд. В. М. Саблина, 1907. – 79 с.
8. Проект Устава полицейского с постатейными объяснениями. – СПб. : [б. и.], 1913. – 268 с.
9. Справочная книга для полицейских урядников. – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1887. – 170 с.
10. Справочная книга для чинов полиции на 1900 год / сост. А. Букуновский. – М. : Губерн. тип., 1900. – 296 с.
11. Тарасов, И. Т. История русской полиции и отношения ее к юстиции / И. Т. Тарасов // Юрид. вестн. – 1857. – № 2. – С. 12.